

ТАТЬЯНА БУЛАТОВА

**ДА. НЕТ.
НЕ ЗНАЮ**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б 90

Булатова, Татьяна.

Б 90 Да. Нет. Не знаю / Татьяна Булатова. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с.

ISBN 978-5-04-190128-8

Женщина, любимая отцом, всегда чувствует себя красавицей и любима другими мужчинами.

Георгий Одобеску обожал свою Аурику, не сомневался в ее неотразимости и готов был лично задушить каждого, кто посмел бы косо посмотреть на его Прекрасную Золотинку.

Для мужа Аурика всю жизнь оставалась самой красивой и желанной женщиной, для дочерей и внучки — непререкаемым авторитетом.

Счастлива семья, у которой есть ангел-хранитель. Вдвойне счастлива, если этот ангел — мать, жена и бабушка, чьи безапелляционные советы если и не сильно помогают жить, то, во всяком случае, дают надежду, что все будет хорошо.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190128-8

© Федорова Т. Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

На самом деле история Леры Спицыной началась давно, а вовсе не тридцать пять лет назад. И на первый взгляд в этой истории не было ничего необыкновенного, если не брать в расчет некий «генетический каприз», о котором любила говаривать Лерина престарелая бабка, последние лет десять живущая на даче под Митяевом, в небе которого грохотали роко-чущие истребители. Звали восьмидесятилетнюю да-му Аурика Георгиевна Одобеску.

Отец ее — коллекционер Георгий Константино-вич Одобеску, обрусевший румын, чья родословная явно носила характер больше мифологический, не-жели конкретно-исторический, — неоднократно объяснял вспыльчивой дочери Аурике, что человек «головой может заработать гораздо больше, нежели руками». Будучи по природе человеком наблюда-тельным и артистичным, Георгий Константинович легко сходил с людьми, невзирая на происхожде-ние, социальный статус и уровень развития собесед-ника. Барон Одобеску, как называли его между собой коллеги по цеху московских коллекционеров, четко усвоил главное правило поведения, способствующее тому, чтобы собеседник начал нуждаться в тебе, как в воздухе, незаметно для себя самого. «Просто смо-три и слушай!» — инструктировал он импульсивную Аурику, выкладывая перед ней на черную бархатную

салфетку ювелирный шедевр, добытый при помощи декларируемого правила.

— Красиво? — любовался Георгий Константинович и аккуратно, двумя пальцами, подносил украшение к ушку единственной дочери. Аурика казалась ему прекрасной, хотя со стороны выглядела как небольшая по размеру тумбочка на тонких ножках. Но барон Одобеску умел игнорировать мелкое и незначительное и укрупнять то, что по-настоящему важно.

К дочери Георгий Константинович относился, как к главной жемчужине своей ювелирной коллекции, поэтому был весьма озабочен вопросами ее будущего замужества, невзирая на то, что девочка еще только входила в пубертатный период и в перспективе оставалось еще достаточно времени, чтобы подыскать пухлой Аурике достойную партию. «Только не из наших!» — давал зарок про себя Одобеску, в глубине души опасаящийся подвоха не столько со стороны своих юрких коллег, сколько со стороны государства, недвусмысленно намекающего, что, дескать, еще существуют в Москве места, где готовы принять на вечное хранение некоторые экземпляры его знаменитой коллекции живописи и фарфора.

Музеев и картинных галерей Георгий Константинович боялся, как огня, хотя сотрудничал с ними долгие годы, часто выступая экспертом в определении истинной ценности того или иного артефакта. Но вид одетых в синюю форму смотрительниц музеев, шикающих на не в меру болтливых посетителей, навевал на Одобеску такую тоску, что хотелось «плюнуть да бежать!». И он бежал, как правило, в сторону знаменитого в городе ресторана «Колизей», где собиралась богема и где у Георгия Константиновича была репутация постоянного посетителя особой значимости, к услугам которого предлагался отдельный

Да. Нет. Не знаю

кабинет, декорированный тяжелыми портьерами из малинового бархата. Там барон Одобеску обхаживал привередливых клиентов, общался с коллегами по цеху и изредка, совсем изредка, обедал с какой-нибудь юной красавицей, у которой после встречи с вальяжным бароном появлялась исключительная возможность начать жизнь заново.

Но свою жизнь начать заново коллекционер Одобеску уже не мог, а потому довольствовался тем, что есть. И, кстати, было не так уж мало, в чем Георгий Константинович с удовольствием признавался самому себе на сон грядущий, полеживая в холостяцкой кровати. Была в Спиридоньевском переулке огромная квартира, гораздо больше напоминающая музей, нежели человеческое жилище. Была непоколебимая репутация среди коллег и клиентов. Были серьезные капиталовложения и сбережения на черный день, не к ночи он будь помянут. Наконец, была Аурика — отрада всей его жизни и приятное невесомое воспоминание о той, чье имя практически стерлось из его цепкой памяти...

Единственное, чего не было у Георгия Константиновича, так это ощущения полной безопасности, для достижения которой он разработал целую систему мер, призванных сформировать лояльное отношение городских властей к его скромной, как он частенько говаривал, персоне. В их число входили добровольные пожертвования крупным музеям столицы, а также «ни к чему не обязывающие» презенты влиятельным лицам, кои неоднократно уверяли дарителя в дружественном расположении к нему. Однако, как только Георгий Константинович покидал очередного покровителя, тот, забыв об уверениях в абсолютной симпатии, тут же приглашал профессионального

Татьяна Булатова

оценщика, чтобы уточнить истинную ценность презента.

Всех оценщиков барон Одобеску знал лично, многие из них были его коллегами по московскому цеху коллекционеров, а потому никогда не ставил их в неудобное положение. Все его презенты имели исключительную художественную значимость и могли принести своему владельцу достойное материальное вознаграждение в случае продажи.

Георгий Константинович разбирался в людях так же хорошо, как и в тонкостях ювелирного дела, поэтому в вопросах дарения был щедр, а в вопросах протекции — скромн и застенчив. Разумеется, внешне скромн и внешне застенчив, как и подобает среднестатистическому советскому служащему. Стратегия имела успех: барон Одобеску был причислен московскими властями к рангу неприкасаемых. Но даже это не освобождало известного коллекционера от тайных страхов и заставляло его с особой тщательностью инспектировать свое ближайшее окружение. В число доверенных лиц входили только домработница Глаша и Аурика. И то потому, что ни черта не понимали в предметах роскоши и относились к тому, что их окружает, как к должному. Подумаешь, часы семнадцатого века?! А что, бывают другие?.. Они вообще здесь всегда стояли, накрытые стеклянным колпаком. Аурика это знала так же точно, как свои пять пальцев.

О картинах можно сказать то же самое: висят и висят. Никому не мешают. Нравится — смотри. Не нравится — не смотри. Глаша так вообще — метелкой пыль смахнет и скажет: «Надо бы влажной тряпкой!», но Георгий Константинович не разрешает. Станный человек! «Кто ж так делает?!» — изумляется она и с недоумением рассматривает странный

Да. Нет. Не знаю

инструмент для борьбы с пылью: резная рукоять из слоновой кости и длинные перья невиданной птицы.

Глаша — это вообще отдельная история. Для потомков, впрочем, как и долгое время для самой Аурики, а потом и ее детей, она была ни кем иным, как «дальней, очень дальней деревенской родственницей» Георгия Одобеску. Причем вопрос о том, что делали румыны по фамилии Одобеску в глухом рязанском селе, никому даже в голову не приходил, равно как и вопрос о том, почему у «дальней, дальней родственницы Георгия Константиновича», дамы незамужней, столь редкая для румын фамилия Проскурина?

Долгое время Аурика воспринимала Глашу как няньку, просто по доброте душевной и из благодарности к Георгию Константиновичу взвалившую на себя еще и нехитрые обязанности по дому. «Исключительно добровольно», — подчеркивал Одобеску и теребил пояс стеганого халата, который Глаша уважительно называла «домашним пальто».

До подросткового возраста Аурика не догадывалась о тайной стороне отношений, которые существовали между отцом и «няней Глашей». А когда поняла, возмутилась и потребовала от отца объяснений, как всегда, в категоричной форме.

— Я видела, — сообщила она Георгию Константиновичу и кивнула головой в сторону Глашиной комнаты.

Барон Одобеску оправдываться не стал, а, посадив гневную Аурику перед собой, начал издалека:

— Понимаешь ли, золотая моя девочка, мужчины и женщины — это... — седовласый Георгий Константинович взял паузу, а потом продолжил: — Это... как птицы. Иногда они сходятся вместе, чтобы свить гнездо и...

Татьяна Булатова

— И отложить яйца, — недовольно скривилась пятнадцатилетняя Аурика. — Я знаю, зачем сходятся мужчина и женщина. Но почему — Глаша? — подняла широкие темные брови разочарованная дочь барона Одобеску. — Она же моя нянька. И твоя родственница.

— Золотко мое, ты знаешь, что в переводе с румынского означает твое имя? — попробовал увильнуть от ответа Георгий Константинович.

— Знаю, — отмахнулась Аурика и снова повторила вопрос: — Почему Глаша?

— А кого бы ты хотела видеть на ее месте? — доброжелательно поинтересовался отец.

— Маму, — выпалила девочка, и ее византийские глаза влажно блеснули.

— Когда-то я тоже хотел... — философски изрек Георгий Константинович и разгладил атласный воротник на своем «домашнем пальто».

— Ты мне никогда про нее ничего не рассказываешь. Она что, умерла?

— Проще было бы сказать, что умерла.

— А на самом деле?

— На самом деле она сбежала от меня с любовником.

— И ты так спокойно об этом говоришь?! — удивилась Аурика.

— А почему я должен нервничать? — искренне удивился барон Одобеску. — Я точно не остался внакладе. У меня есть ты. Поэтому я простил твою маму, отпустил ее из памяти с миром и дал себе слово никогда не берeditь прошлого и не жениться.

— Уж лучше бы ты женился! — буркнула обескураженная дочь. — Тогда бы не пришлось «вить гнездо» с Глашей.

Да. Нет. Не знаю

— Глаша — это моя дальняя, очень дальняя родственница, — хитро улыбаясь, начал Георгий Константинович. — Настолько дальняя, что... В общем, ты поняла, моя золотая девочка. И не суди Глашу. Она стала для тебя второй матерью.

— Первой, — поправила отца Аурика.

— Второй, — не согласился барон Одобеску. — Первой стал я.

— Хорошо, что ты не женился на Глаше, — неожиданно прильнула к отцу девочка и обвила его шею руками.

— Почему? — заинтересовался Георгий Константинович.

— Потому... Потому что она... — Аурика никак не могла подобрать нужных слов, чтобы объяснить отцу, как он разительно отличается от женщины, которая тайком заходит к нему в спальню. Аурика Одобеску не хотела обижать Глашу, но вместе с тем ей было крайне неприятно осознавать, что ее красивый, умный, величественный отец спит со своей домработницей — слишком простой и, как казалось девочке, совершенно непривлекательной.

К чести Георгия Константиновича нужно отметить, что сам он приходил в неслыханную ярость при любом неуважительном, как ему казалось, упоминании имени Глаши, даже если оно исходило из уст самой Аурики. Вопреки сложившимся обстоятельствам, барон Одобеску пытался настоять на том, чтобы Глаша садилась за стол вместе с ним и дочерью, но женщина изо всех сил сопротивлялась, ссылаясь на то, что сыта — мол, пока готовила, напробовалась...

— Тогда просто посиди, — просил Георгий Константинович и показывал на место напротив Аурики. И Глаша, смущаясь, усаживалась на стул и сидела, не смея поднять глаз на «поперечную» девочку, вправ-

шую в подростковый нигилизм. Нянька боялась своей воспитанницы, чувствуя себя виноватой за то, на что никогда бы сама не осмелилась, не прояви хозяин к ней интереса. Уж кто-кто, а сама Глаша прекрасно понимала: где она и где Георгий Константинович! Не случайно после встречи с Аурикой у дверей хозяйской спальни молодая еще, кстати, женщина даже попыталась прекратить и так достаточно редкие встречи с хозяином, но ничего из этого не вышло. К обоюдному, скажем так, удовольствию.

Сам Георгий Константинович с себя ответственности за происходящее не снимал и всячески пытался загладить перед Глашей свою невольную вину, предлагая ей то одно, то другое. От денег сверх тех, что платились ежемесячно и по договору, она категорически отказывалась и с обидой, отвернувшись от хозяина в сторону, роняла: «Нехорошо, Георгий Константинович. По согласию ведь. Разве ж за это берут?» Не зная, как выразить свою мужскую и отцовскую благодарность, Одобеску перепробовал все, что можно. Даже путевку в санаторий на Рижское взморье приобрел, откуда Глаша сбежала ровно через неделю от неизбывной тоски по дому.

— Ну зачем ты приехала? — взмолился Георгий Константинович, переживавший жаркий июль за задернутыми шторами в опустевшей квартире.

— Не могу я там, — не выдержала Глаша. — Душа прямо так и рвется. Все думаю, как вы там один у меня. Поди, голодный. Нет, думаю, поеду. Лучше дома.

— Ну, что же ты, детка, — выдохнул Одобеску и с жадностью притянул беглянку к себе. — Хлопотунья какая! — бормотал он, скользя губами по Глашиному лбу.

Да. Нет. Не знаю

— Скажете тоже, — засмушалась она и даже глаза закрыла от простого бабского счастья: «Приехала вот. И он рад».

На «вы» Глаша называла Георгия Константиновича всю свою жизнь, став его второй половиной, отделенной от хозяина только увешанной иконами стеной, глядя на которые женщина твердила слова молитвы попеременно с благодарностью за счастливую судьбу.

Когда Глаши не стало, барон Одобеску сократил свое объемное в плане страниц завещание ровно на один пункт, ей посвященный. Другого претендента не было. Главной наследницей нелегального состояния стала роскошная в своей женской зрелости Аурика Георгиевна, уполномоченная отцом распорядиться оставшимся имуществом по своему усмотрению. Ни одна из четырех внучек, в которых Георгий Константинович души не чаял, в завещание известного московского коллекционера внесена не была.

— Почему? — удивилась Аурика, ознакомившись с перечнем не просто экзотических наименований, но и проставленными в скобках цифрами, призванными отразить материальную стоимость всех экземпляров коллекции.

— А зачем? Ты мать. Ты сама знаешь, как этим распорядиться.

— Но это же твои внуки! — умудрилась обидеться на Одобеску дочь.

— Это совсем другое, — улыбнулся Георгий Константинович и лукаво посмотрел на нотариуса. Старый еврей с пониманием закивал и глубокомысленно изрек:

— Слушайте своего отца, деточка.

Аурику ответ не удовлетворил, и она пустилась в пространные рассуждения о том, о чем пока не имела

ни малейшего представления. «Первые дети — первые куклы. Первые внуки — первые дети», — вещала она прописные истины, даже не подозревая, что в каждом отдельном случае в цитируемое выражение могут быть внесены серьезные поправки. «Мне говорили, — проговорила Аурика с вызовом, — что внуков любят больше, чем детей. Разве это не так?» — обратилась она одновременно к двум пожилым людям. «Так!» — поспешил уверить ее нотариус. «Нет», — не согласился с ним Георгий Константинович.

— Ты не любишь моих девчонок? — сразу же обвинила его Аурика.

— Люблю, — успокоил ее отец. — Но тебя я люблю сто крат больше — лукавить не буду. И даже предвижу, что наступит время, когда ты вспомнишь мои слова.

— Такого не будет никогда! — с апломбом заявила чернобровая дочь и уселась в кресло, словно созданное для ее роскошных форм. Аурика никогда не отличалась особой чуткостью, в отличие от своего отца и застенчивого мужа. Она даже не заметила, что старый Одобеску постепенно заменил почти всю мебель в доме, по-отцовски переживая, что дочь может испытывать дискомфорт, втискивая свое крупное тело в строгие и узкие кресла павловских времен.

— Будет, — заверил ее Георгий Константинович. — Обязательно будет, как только ты увидишь, как твой единственный и любимый ребенок окажется в полном подчинении у твоих внуков. И тебе станет жалко собственное дитя, потому что оно не спит, потому что страдает и беспокоится... И ты станешь воспринимать его обиды на детей, как свои собственные. И даже начнешь читать нотации потомкам, объясняя элементарные вещи...

Да. Нет. Не знаю

Барон Одобеску не успел завершить мысль до конца, как Аурика его перебила:

— Ни-ког-да!

— Не спорьте с женщиной, Георгий Константинович, — обратился к барону нотариус и попросил разрешения откланяться, если к нему как к лицу официально у наследницы нет никаких вопросов.

Вопросов и правда не было. К нотариусу. Проводив его, старый Одобеску вернулся в гостиную и обнял дочь:

— Аурика, Золотинка моя, не торопись говорить «никогда».

— Зачем ты меня дразнишь?

— Ни боже мой, девочка. Только предупреждаю.

— Ты странный человек, папа, — смягчилась Аурика. — Ты все время загадываешь мне загадки и никогда не даешь ответа, хотя и знаешь его.

— Ты тоже знаешь его. Но пока об этом не догадываешься.

— Почему просто не сказать: «Аурика, запомни».

— У тебя хорошая память. Она тебя не подведет, — улыбнулся Георгий Константинович. — И потом: я еще жив! Ты всегда можешь спросить меня о том, что тебя волнует.

— Тогда я спрошу?

Одобеску сел напротив дочери и взял ее за руки.

— Ответь мне на один вопрос. Ты жил с Глашей тайком, столько лет. Но для всех она оставалась моей нянькой и домработницей.

— Помощницей, — поправил дочь Георгий Константинович.

— Это ничего не меняет. Для всех она была просто нянькой и просто домработницей. У нее была отдельная комната. Отдельная от нас жизнь.